

Сегодня - 1995 - 18 мая - 95

Мария Дементьева

— Недавно вы закончили книгу о Сталине. Что это за работа?

— Моя новая книга связана с предыдущей — «Последний царь» (так называлась моя книга о Николае II в западных изданиях), это один проект. В него входят работа о последнем царе Николае II и первом революционном царе Иосифе Сталине. Я употребляю это слово — царь — вполне осознанно. Монархия в России не закончилась в 1917 году. В 1917-м закончилась монархия Романовых, религиозная монархия. Ее сменила иная монархия — атеистическая, беспощадная, и эта монархия жила и здравствовала в нашей стране на протяжении всех последующих лет. Недаром Сталин так любил слово «царь» и слово «хозяин». «Хозяин земли русской» назывался царь, «хозяином» назывался Сталин.

В своей книге я пытался рассказывать о Сталине, помня формулу Пушкина «Добру и злу внимая равнодушно». Следовать ей не так легко в нашей политизированной стране. Однако это хорошая формула, когда ты пишешь биографию исторического лица.

Мне повезло: мой отец никогда не был жертвой сталинизма. То есть он был его жертвой в той же мере, что и все — отец был удивительно талантливым человеком, который не сделал ничего из того значительного, что мог бы. Но, слава Богу, он не сидел ни в лагерях, ни в тюрьмах. Поэтому личного счета к Иосифу Виссарионовичу у меня как бы не было. И мне нетрудно было быть беспристрастным.

Эта книга — моя попытка понять, кто же все-таки был этот человек — Сталин. Бесспорно, очень удобна и желанна бытующая версия, что Сталин был обыкновенный параноик. Причем эта версия удобна и коммунистам, и антикоммунистам. Одним было крайне забавно представить себе страну, где десятилетиями правил параноик, и все были довольны и спокойны. А для коммунистов — истинных — версия о параноике тоже была полезна. Она легко объясняла все чудовищное, что произошло со страной.

Нет, Сталин параноиком не был. Это был один из крупнейших деятелей этого века, но деятель страшный, чудовищный. Я публикую множество новых документов и с их помощью пытаюсь

разгадать эту личность и его цель, которая объясняет и его действия, и его странные поступки.

Одна из самых интересных загадок: почему Сталин истребил уже покорную ленинскую партию? И почему все эти коммунисты, закаленные в подпольях, с такой легкостью согласились сами себя обогатить? Можно обосновывать это пытками. Но я публикую документы, из которых ясно, что пытки — физические — например, ни к Зиновьеву, ни к Каменеву не применялись. (Они будут применены лишь впоследствии к их сторонникам.) Так почему же они согласились вести себя так позорно? Почему, зная свой конец, — а они его знали — согласились все это проделывать? Объяснять их поведение желанием оградить свои семьи, конечно, возможно. Но ошибочно, поскольку эти люди жили идеями. Так в чем же дело? Я пытаюсь ответить на это в книге.

— Так почему же, с вашей точки зрения, Зиновьев, Бухарин дали себя обогатить?

— Напомню вам, как мадам де Сталь однажды спросила Гегеля: «Расскажите, в чем смысл вашей теории?» «Мадам, я бьюсь над этим всю жизнь, а вы предлагаете мне рассказать за несколько минут». Чтобы понять смысл поведения этих людей, нужно познакомиться с книгой. Говорю это не из желания вас заинтриговать, но просто объяснить обычными словами их поступки достаточно трудно: мы живем в другом мире. Попытка объяснения словесного, вне документов, обречена: эти люди непонятны сейчас так же, как и Ленин. Прежде Ленин был непонятен, когда его представляли святым, сегодня же, когда его представляют монстром, он так же непонятен. И Иосиф Виссарионович, и Владимир Ильич — неопознанные объекты, которые предстоит еще опознать. Это не означает, что я решил изменить знак минус на плюс. Я просто утверждаю, что это совсем иные персонажи, нежели мы представляли, с другими задачами, другими психологическими обоснованиями.

Загадка Иосифа Виссарионовича была действительно для меня вопросом жизни. Я начал эту книгу задолго до книги о Николае II, но прекратил ее писать, поскольку тогда еще не настало время. Кроме того, тех источников, которые у меня были тогда, мне не хватало.

Сейчас для историков фантастическое время. И я жалею, что

не начинаю сейчас. Если бы это было возможно, я бы никогда не занялся ничем, кроме истории. Хлынул не просто поток документов — океан. И их не нужно искать, они все на поверхности. Историк живет под напором документов, нужно только выбирать тему. Вся история России — история непознанная.

Это всегда была авторитарная страна с цензурой, с засекреченными архивами, которые выдавались иногда, но чаще не выдавались. Пушкин получал архивные документы от царя, Великий князь Николай Михайлович, исследовавший жизнь старца Ивана Кузмича; так и не получил все документы. И так далее. Ну а что было потом, всем известно. Я учился в историко-архивном ин-

ституте, и он назывался «факультетом несуществующих наук». Наука была лишь подтверждением высказываний классиков марксизма-ленинизма. Оттого, естественно, и существовал такой неинтерес к документам. Когда я начал заниматься Николаем, его дневник с трудом раскрывался: слиплись страницы от неупотребления. Книга о Сталине остается книгой о современности. Ведь во всех нас Сталин продолжает жить. Достаточно посмотреть на сегодняш-

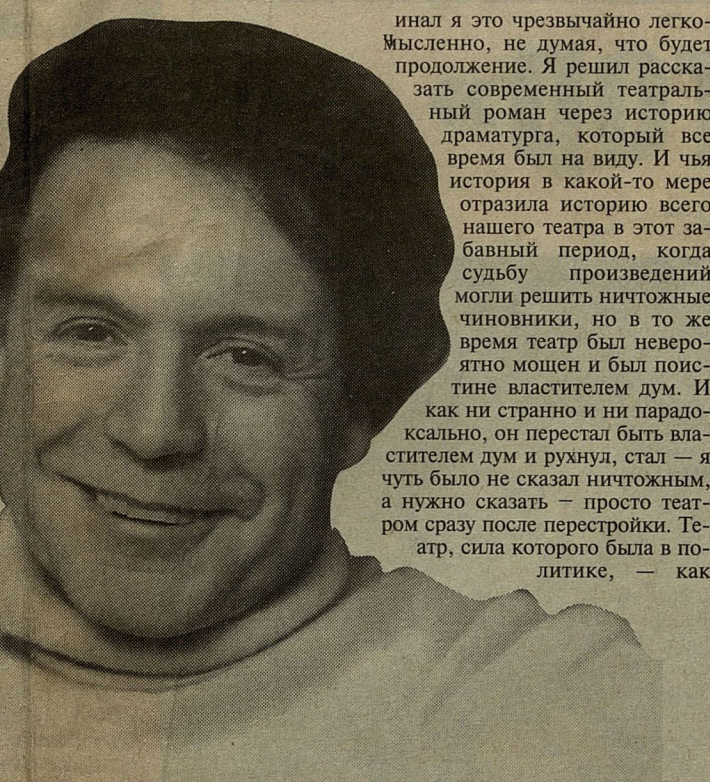
«Уже сказаны все слова, причем самые последние, уже давно никто не обращает внимания на эти слова, все давно привыкли к ругани — и пишущие, и читающие. Гадость — это вроде пряника. Впрочем, все это давно было сказано. Печально сказано, уйму лет назад, две тысячи. Римский историк написал: «Рабы, обретшие свободу, становятся злоречивы»»

Эдвард Радзинский: Из-под сталинской шинели вылупилась вся страна

валась на протяжении семидесяти лет. Говорят, что люди не умеют быть свободными, и оттого они становятся фашистами. Но это не так. Фашистами они становятся потому, что темная, страшная, дремавшая в генах ненависть жаждет проснуться. И получается парадокс — в стране, потерявший 27 миллионов жизней в борьбе с фашизмом, появляются правнуки фашистов.

Книга о Сталине остается книгой о современности. Ведь во всех нас Сталин продолжает жить. Достаточно посмотреть на сегодняш-

нюю жизнь, все это неистовство, нетерпимость. Да, заложенное Сталиным в гены «гомо советикус» не исчезло. Ненависть ищет выхода, создает образ врага. Ведь на кого-то нужно переложить ответственность за те неурядицы и беспорядок, которые существуют. Врагом может быть кто угодно — евреи, кавказцы, еще кто-нибудь. Враг всегда абсолютен, без него жизнь становится как бы неполной. Жажда персонификации врага со времен Отца и Учителя: вредитель Х, вредитель У, из-за них вам живется плохо. Это было чрезвычайно полезно для мироощущения тоталитарной страны. И это мироощущение, когда наступила свобода, осталось. Оно незримое, эту болезнь из двух поколений не выдернешь, она разви-

инал я это чрезвычайно легко-мысленно, не думая, что будет продолжение. Я решил рассказать современный театральный роман через историю драматурга, который все время был на виду. И чья история в какой-то мере отразила историю всего нашего театра в этот забавный период, когда судьбу произведений могли решить ничтожные чиновники, но в то же время театр был невероятно мощен и был поистине властителем дум. И как ни странно и ни парадоксально, он перестал быть властителем дум и рухнул, стал — я чуть было не сказал ничтожным, а нужно сказать — просто театром сразу после перестройки. Театр, сила которого была в политике, — как

трудно ему после этого стать просто искусством.

Я занялся телевидением всерьез по той же причине, по которой когда-то начал писать цикл своих исторических пьес — «Беседы с Сократом», «Лунин, или Смерть Жака», «Театр времен Нерона и Сенеки». Этими пьесами я пытался обратиться к высоким мыслям. Я знал, что улица, которая «корчится безызыкая», как говаривал поэт, на самом деле жаждет высокого. Люди чувствуют, зачем ты к ним пришел. Прелесть телевидения в том, что ты можешь говорить с аудиторией и о непонятном, но она тебя поймет, если есть ощущение, что ты искренен. Я пытался сделать так, чтобы эти передачи были маленьким театром, где я выполняю роль и драматурга, и актера (все эти передачи — маленькие пьесы). К передачам я принципиально не готовлюсь. Я их должен создать непосредственно в миг, когда включается камера. И зрители чувствуют, что для меня эти передачи — тоже определенный способ познания мира. И мы совершаем это познание вместе. И мне это очень нравится.

— И тем не менее вы вернулись в театр. «Поле битвы после победы принадлежит мародерам»

— ваша первая премьера за долгие годы.

— Эта пьеса написана в 1991 году, пять лет назад. Вернее, дописана — я решил рассказать продолжение истории моих героев, представителей так называемой советской элиты, которых считал окончательно поверженными в пьесе «Спортивные сцены 1981 года». Они тогда еще правили, но было ясно, что наступает новое, совсем уже не их время. Но в 1991-м я выяснил, что все эти персонажи снова наверху. «Поле битвы после победы принадлежит мародерам» — эта несложная мысль привела меня в замешательство. И я решил рассказать — пунктирно — их жизнь уже в новой действительности. Я знал, что, приписав новый акт, обрекал пьесу на дисгармонию, что то, что я делаю, почти непозволительно. Ибо это было смешение жанров — жизнь как фарс в 1991 году и драма 1981 года. И футурологическая пьеса 2001 года. Абракадабра. Но мне было интересно.

Да, в 91-м жизнь превратилась в капустник. Кагэбешник встречает вчерашнего диссидента с объятиями... И если раньше именами диссидентов называли улицы и площади западных городов, то теперь их там никто не ждет, ждуг их вчерашних гонителей, старых русских в новых пиджаках. Весь этот бред, который произошел, мне хотелось показать. Я очень рад, что спектакль дал возможность вывести вместе на сцену Людмилу Гурченко и Александра Ширвиндта. Гурченко — великая актриса, и как стыдно для всех нас, что она впервые в жизни играет большую роль в театре, репетируя ее от начала до конца.

— А как вы относитесь к весьма разным критическим статьям о спектакле? Помню, как восемь лет назад перед началом обсуждения «Спортивных сцен» в СТД вы весьма порадовали собравшихся, выйдя перед началом на сцену и пожелав переполненному критикам залу приятного обсуждения вашего спектакля, заверив, что их мнение вас совершенно не интересует, с чем и удалились...

— Это было удачное мое выступление, хотя несколько банальное. Писателей редко интересуют критики, когда они их ругают. Хотя так интересно понять, почему старая пьеса, написанная в 1991 году, то есть в другую эпоху, где нет ни голых, ни прочих современных аксессуаров, собирает полный зал и возвращает нас, как пи-

сал один из критиков, в забытую театральную атмосферу.

Но что более всего забавляет — как легко критика поддалась общему тону. Нынешний общий тон — это поношение. Хор поношения. Политики поносят друг друга, газеты — политиков и тоже друг друга, критики — писателей. Уже сказаны все слова, причем самые последние, уже давно никто не обращает внимания на эти слова, все давно привыкли к ругани — и пишущие, и читающие. Гадость — это вроде пряника. Впрочем, все это давно было сказано. Печально сказано, уйму лет назад, две тысячи. Римский историк написал: «Рабы, обретшие свободу, становятся злоречивы».

Но эта пьеса все-таки не совсем означает мое возвращение в театр. Для меня это как бы встреча с самим собой, который жил в 1991 году, с моими тогдашними размышлениями, яростью. Сейчас я куда спокойнее. И еще... Возможно, надо было внести некое скандальное оживление. Правда, мне сейчас это не очень свойственно, я все больше тянусь к вещам спокойным и печальным.

Я хотел бы выпустить пьесу, которую написал действительно сейчас, — о Моцарте и пьесу «Последняя ночь последнего царя», которую репетирует Валерий Фокин со сборной актеров. Но я думаю, что для времени, как ни странно, «Поле битвы» — это очень важная пьеса.

— Да, поменялось все и — ничего...

— Россия — страна со странной историей. Неужели мы опять вернулись лишь в февраль 1917 года? Жаль. Русская буржуазия уже проиграла ту революцию. Потому что была слишком жадна и не захотела чуть поделиться с обездоленным народом. Неужели проиграет и эта? Если история города Глупова будет продолжаться — это опять кончится очень трагично.

Фигуры